

Елизавета Дворецкая

ЭНЕРГЕТИКА - ЭКОЛОГИЯ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Д24

Дворецкая, Е.

Д24 Змей-звезда / Е. Дворецкая. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 410 с. — (Миры Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-521-90728-1

Древняя Русь, начало X века. Древлянский князь Володимер убит во время похода в степь. К его молодой вдове Предславе, дочери давно погибшего князя Аскольда, начинает являться некто в облике покойного мужа. И однажды ей удастся заставить ночного гостя сказать правду: много лет назад, когда Предслава была еще маленькой девочкой, колдунья Незвана пообещала отдать ее Князю-Ужу, божеству реки Уж. Теперь, когда Предслава овдовела, тот явился за своей добычей. И чтобы от него избавиться, следует показать владыке Забыть-реки нечто совсем уж небывалое: например, свадьбу сестры с собственным братом...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Елизавета Дворецкая, текст, 2021
© Софья Потоцкая, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
ISBN 978-5-521-90728-1 © Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Дрожащими руками Предслава подняла череп над головой и повернула так, чтобы взглянуть через него на полную луну. Вливаясь в отверстие на месте выпиленной затылочной кости, белый свет ослеплял; Предслава поначалу невольно зажмурилась, но потом собралась с силами и заговорила:

— Месяц, светлые рожки, белые ножки! Бывал ли ты в Нави, видал ли ты мертвых? Видал ли ты Володимера, Доброгневого сына, Мстиславова внука, Володимерова правнука, — князя древлянского, мужа моего?

Череп она раздобыла у Далибожа, старшего из искоростеньских волхвов. Потом три вдовы — волхва Творяна, сама Предслава и старая княгиня Чтислава, ее свекровь, — набрали воды у трех ключей и слили в большую чару. В ней трижды омыли череп, и теперь он годился для дела, которое Предслава задумала, — вопрошания луны. В новолуние месяц, которого в Яви не видно, светит в Нави и видит всех ее обитателей; набрав силу к полнолунию, он может дать ответ на вопрос, который уже почти три месяца не давал молодой княгине Предславе покоя.

— Муж мой любезный, Володимер свет Доброгневович! — тихим, но твердым и ясным голосом призывала она.

После всего, что она уже пережила, очутиться в полночь на вершине Святой горы, под порывами холодного, влажного

осеннего ветра, с человеческим черепом в руках, наедине с полной луной меж туч, похожих на громадных черных медведей, — все это было для нее не так уж и страшно. Не так страшно было говорить с мертвым, ибо она точно знала, что муж ее мертв, — как вопрошать понапрасну и не дожидаться ответа.

— Если ты в Навь своим путем ушел, то покажись мне на месяце. Если ты между Явью и Навью задержался и к предкам пути отыскать не можешь — встань прямо передо мной!

Она напряженно вглядывалась в лунный свет. Было холодно, руки, державшие стылую кость, тоже вскоре застыли, будто мертвые; холод лился вниз по жилам, и Предславе начало казаться, что вот-вот она и сама окостенеет, перейдет во власть Кошного Бога, истает на ветру и рассыплется грудой костей по гранитной вершине Святой горы...

Лунный свет заливал глаза и словно затоплял голову. Предслава смотрела, ожидая увидеть мужа — его округлое лицо, густые русые кудри, такую же бородку, веселые светло-серые глаза... Ее пальцы еще помнили ощущение его жестких выющихся волос, которые она часто расчесывала, ноздри трепетали, будто стараясь уловить знакомый запах... Всей душой она напряженно прислушивалась, надеясь учуять приближение его души — настоящей, а не того, что уже не раз приходило к ней...

Вдруг череп замерцал как-то по-особому, оделся неясной дымкой. Перед глазами поплыло, но Предслава не моргала, стараясь удержать это состояние сознания, которое позволяет видеть сокрытое. Череп в ее руках уже не был голой костью: из лунного света соткались покровы, на страшном безносом лице проступили черты лица...

Но это был не Володимир. И даже не мужчина. Предслава держала в окоченевших ладонях голову женщины — молодой, красивой резкой, пугающей красотой. На мертвенно-белом лице с закрытыми глазами выделялись густые черные брови, ярко-красные пухлые губы, но этот признак любвеобильности не смягчал ощущение ужаса, а напротив, обострял, ведь Кош-

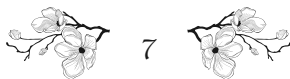
ная Невеста весьма жадна до любви. Волны густых темных волос оведали это лицо.

Предслава смотрела, затаив дыхание, не чувствуя онемевших рук, в которых сжимала голову... чью? Да уж не сама ли Марена явилась ей?!

И в то же время страшное лицо будило смутные воспоминания. Мысль обращалась к далекому прошлому, когда она, Предслава, находилась здесь, в Искоростене, стольном городе земли Деревской, но не как его княгиня и хозяйка, а как трехлетняя девочка, дочь погибшего киевского князя Аскольда и его жены, Дивомилы, ставшей пленницей и заложницей. Тогда она мало что понимала и не знала даже, как опасно их положение — ее самой, ее матери, а потом и родившегося здесь братика. Дивляна старалась не пугать дочь и пыталась быть веселой, уверяя, что скоро они поедут домой и все будет хорошо. Поэтому маленькая Славуня, ни о чем особо не печалась, играла со своей нянькой, голядкой Снегулей, слушала сказки, которые рассказывала ей бабушка Елинь, и даже не знала, что над их головами сгустились самые черные тучи...

Но опасность, исходившую от этой женщины, чувствовала даже трехлетняя девочка. Колдунья Незвана, в то время первая советчица древлянских князей, внушала ей ужас — своими бесчисленными оберегами, звеневшими на каждом шагу, распущенными темными волосами, порывистыми движениями, резким голосом, а главное — пронзительным взглядом серых глаз, блестящих, будто наточенное железо. Весь ее облик выражал принадлежность скорее к Закрадью, чем к белому свету. Она не делала пленникам ничего плохого — во всяком случае, на глазах у Славуня, — но при ее появлении девочка трепетала и пряталась возле матери или бабки, чувствуя, что эта женщина грозит гибелью им всем. Даже новорожденному братику, у которого тогда еще не было имени.

Трехлетней девочке весь мир и люди вокруг еще казались слишком большими, так что черты их помнились расплывчато. Особенно плохо она запомнила Незвану, ведь в те дни она бо-

ялась смотреть ей в лицо. В последующие годы, слушая бесконечные рассказы матери и няньки о тех грозных временах, Предслава напрасно усиливалась его вспомнить.

Но сейчас чутье подсказало Предславе правду. Она держала в руках голову Незваны, которую в последний раз видела маленькой девочкой семнадцать лет назад.

Веки мертвой головы дрогнули, черные полукружья ресниц шевельнулись, будто створки ворот Закрадного мира, на которые налегают изнутри... Сейчас она откроет глаза и вонзит взгляд, будто наконечник копья, прямо в сердце своей ускользнувшей жертвы...

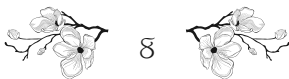
Предслава содрогнулась, череп выпал из онемевших, застывших от холода и оттока крови ладоней. Женщина отпрыгнула, а череп упал на камень горы Креницы и с громким треском разлетелся на множество костяных осколков.

Княгиня замерла в нескольких шагах, безотчетно потирая застывшие кисти рук и пытаясь прийти в себя. Перед глазами плыли белесые пятна, она моргала, силясь сообразить, что такое видела. Свет полной луны заливал площадку древнего святилища на вершине одной из искоростеньских гор, а далеко внизу ему отвечала множеством отблесков вода Ужа. Света хватало, чтобы Предслава, уняв головокружение, разглядела белеющие на камне осколки черепа.

Сосуд неизвестно чьей души лежал разбитый, как это и случается рано или поздно со всяким на свете сосудом¹. Так удалось ее гадание или нет? Она хотела узнать, ушел ли покойный муж тропой дедов или душа его, задержавшаяся на грани мира живых и мира мертвых, теперь ее беспокоит? Но вместо мужа она увидела саму богиню Марену — или колдунью Незвану, что было для Предславы одно и то же. И чей же это был череп? Где Далибож его взял?

Сойдя наконец с места, Предслава направилась к обчине, где в боковой клети хранилась посуда, всякая нужная утварь и в числе

¹ По древним представлениям, душа живет в голове. (*Здесь и далее — примечания автора.*)

прочего метла для уборки обчины и площадки святилища после принесения треб и жертвенных пиров. Лунный свет набросил на розовато-серый гранит серебристое покрывало, и ей казалось, будто она идет по поверхности молочного озера. Вернувшись с метлой и кованым совком на деревянной ручке, Предслава принялась сметать в кучу осколки черепа.

Ну, дед Даляня, упырь бородатый! Попросила ведь его как человека! Откуда княгине взять череп — она ведь не хранит у себя в ларе головы убитых мужем врагов! Думала, у волхвов уж наверняка найдется, не она же первая придумала месяц вопрошать! И что он ей подсунул? Сам не знал? Или нарочно?

Сметая осколки в кучу, Предслава тщательно собрала их в совок, стараясь не пропустить ни малейшего кусочка, даже мелкий сор из трещин камня вымела, чтобы не оставить ни пылинки. Глянула в сторону обрыва — нет, отсюда до воды не добросить, только разлетится все по склону Кременицы. Надо нести на берег.

Одной рукой держа совок с осколками, а другой опираясь на метлу, чтобы не споткнуться и снова все не рассыпать, Предслава осторожно направилась к реке. Покинула площадку святилища, прошла мимо обочин, где в дни жертвенных пиров рассаживались за длинными столами старейшины земли Деревской, через резные ворота вышла за невысокий вал и, старательно нащупывая ногами неровности тропы, стала спускаться. Хорошо, что луна — Марина Чаша — по-прежнему щедро изливала беслесый свет, и Предслава хорошо видела дорогу.

Она почти дошла до кромки берега и уже выбирала взглядом место, откуда можно высыпать содержимое совка сразу в глубокую воду, как вдруг из тьмы вынырнула человеческая фигура. Предслава вздрогнула, ее обило разом жаром и могильным холодом.

Володыня! Сердце пропустило удар, потом заколотилось у самого горла, будто вот-вот выскочит наружу, метла и совок задрожали в ослабевших руках. Мужчина, молодой и статный, рост чуть выше среднего, широкие плечи, небольшая бородка... Он все-таки явился! Гадание вышло, Марина Чаша показала ей

мужа! И он стоит на земле, прямо перед женой, значит, его душа не ушла в Закрадный мир! Она взглянула в его лицо, уверенная, что узнает черты человека, замужем за которым прожила четыре года, хоть и не слишком часто за это время его видела...

И вскрикнула — это был вовсе не он!

Собственный крик донесся до нее слабо и как будто со стороны — Предслава даже не узнала свой голос. А мужчина, в это самое мгновение увидев ее, тоже охнул, отшатнулся и едва не бросился бежать, но опомнился. В руке его молниеносно оказался меч — меч, не топор, копье или что другое, Предслава отметила это. Выставив перед собой блестящий в лунном свете клинок, он замер, не сводя с нее глаз...

* * *

Конечно, умные люди не поехали бы осенней ночью через лес, но Рулав уверял, что прожил здесь семнадцать лет и найдет дорогу к Искоростеню даже с мешком на голове. К тому же было уже недалеко, и Вояте не хотелось ночевать в очередной веси — вповалку на земляном полу, где хозяйские козы будут наступать на руки и спасибо Велесу, если не ронять катышки на лица. В избах все не поместятся, в овин хозяева не пустят, а в бане ночевать — себе дороже, баенные об эту пору злее злоущего: у Доброчи с прошлого раза царапины через всю щеку, а у Светлыни синие пятна на шее. Воята вел с собой всего десять человек, но у Рулава тоже было три десятка — столько приезжих вместит не всякая весь, а ночевать под открытым небом никому не хотелось. И без того намерзли в дальних дорогах, а гриди хоть и привычные, но тоже ведь не собаки, верно? Поэтому Воята легко поддался на уговоры Рулава, которому после годового отсутствия хотелось поскорее домой к жене, не останавливаться на третий ночлег, а проехать еще немного и добраться до Искоростеня хоть затемно. Лет пятнадцать назад князь Ольг приказал прорубить между стольными городами полян и древлян дорогу через лес, что позволило, имея лошадей, заметно сокращать путь. До того по рекам от Киева до Искоростеня, все вверх

